

Петер Франк

То, что я однажды встречу с Арсением Борисовичем, что на протяжении многих лет мы будем поддерживать живой контакт, сотрудничать и нас свяжут дружеские отношения, в момент моего рождения было невероятным.

Появившись на свет в 1953 г. в Западном Берлине, я вырос в городе, окруженном, как это у нас тогда назвалось, «зоной советской оккупации». Проезжая транзитом в «Западную Германию» мы, дети, леденели от страха при виде советских военных, которые в большом количестве были размещены вокруг нашего города.

Будучи подростком, я начал интересоваться политикой. Толчком к этому послужило осмысление недавней истории собственной страны и Советского Союза. Шок от ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию заставил меня в четырнадцать лет впервые в жизни выйти на демонстрацию. Студентом-юристом в 1977 г. я вступил в Международную Амнистию. И с тех пор, уже став судьей, на общественных началах продолжаю эту деятельность.

Один из первых политических заключенных, делом которого мне довелось заниматься, был из Советского Союза. Работа по СССР в то время не пользовалась большой популярностью среди активистов. Она требовала большой мотивации, так как на многочисленные письма, которые мы писали в разные советские инстанции, практически никогда не приходили ответы. И, пожалуй, каждый из нас сомневался в том, может ли наша работа хоть каким-то образом облегчить судьбу политических заключенных этой, казавшейся незыблемой, репрессивной системы, отделенной от нас железным занавесом.

А потом упала Берлинская стена. И многое, что казалось незыблемым, пришло в движение, и почти все теперь казалось возможным. И вскоре они, российские правозащитники, вдохновленные идеей Международной Амнистии и полные решимости найти соратников для совместной правозащитной работы, были у нас. И среди них был Арсений Борисович, сам в прошлом политический заключенный, семью которого в свое время опекали члены Международной Амнистии. То, что такая встреча вдруг оказалась возможной, было настоящей сенсацией.

Я и мои друзья в немецкой секции Международной Амнистии были вдохновлены. Мы чувствовали, насколько важно, особенно принимая во внимание трагическую взаимосвязь истории наших стран, как можно больше узнать друг о друге и действовать вместе. Мы стремились максимально использовать появившиеся для этого возможности, в глубине души предчувствуя, что они в скором времени могут быть ограничены. Последние годы показали правоту этих опасений. Кроме того, мы испытали на себе, что солидарное сотрудничество между российским и международным правозащитным движением требует много сил и упорства.

И именно в этой сфере роль Арсения Борисовича сложно переоценить. Для меня это стало очевидным в 2002–2003 гг., когда Международная Амнистия проводила всемирную кампанию по России.

На встрече российских правозащитников с тогдашним генеральным секретарем немецкой Амнистии прозвучала справедливая критика того, что российские правозащитники были недостаточно вовлечены в подготовку кампании. Сотрудничество с сильным и профессиональным национальным правозащитным движением, представители которого имеют личный опыт политических репрессий, ставит определенные требования к работе международной правозащитной организации. Удовлетворить их в достаточной мере не удалось. В конце встречи слово взял Арсений Борисович. Сначала он подчеркнул значение Международной Амнистии для российского диссидентского движения, сказав примерно следующее: «“Амнистия” для нас,

находившихся в заключении, была подобна путеводной звезде, на которую мы ориентировались». Одновременно он дал понять, что считает проблему, обсуждавшуюся на встрече, симптомом серьезного вызова, перед которым Амнистия стоит как международная организация в целом: «У меня есть ощущение, что организация находится сейчас на своего рода распутье. Я слишком мало информирован, чтобы давать советы, но желаю вам принять правильные решения». Впоследствии мы много говорили друг с другом, в том числе и о разных отправных точках для правозащитной деятельности. Эти беседы были для меня большой привилегией.

Благодаря этим регулярным контактам нам в Германии было несложно понять значение ареста Михаила Ходорковского в октябре 2003 г. Для всего правозащитного движения в России политическая подоплека этого дела была очевидна. На международном уровне это было далеко не так. Вместе с Арсением Борисовичем и другими коллегами мы в течение долгого времени убеждали международный секретариат Амнистии как можно скорее публично заявить о том, что организация рассматривает вопрос о признании Ходорковского политическим заключенным. Только через несколько лет, после второго приговора, Ходорковский был признан узником совести.

Как раз дискуссии на эту тему показали, насколько важен постоянный диалог между российскими правозащитниками и международным правозащитным сообществом. В международном правозащитном мире, стремящемся к все большей профессионализации и все большей эффективности своих акций, не всегда в достаточной мере присутствует понимание символической силы общественного действия. В своей речи на ежегодном собрании немецкой секции Международной Амнистии в 2013 г. Арсений выразил это следующим образом: «Когда мы с петициями и письмами обращались к советскому правительству, думали ли мы, что нас кто-то услышит? Что после нашего письма арестованного человека отпустят на свободу? Конечно, нет! Когда семь человек в 1968 г. вышли на Красную площадь с протестом против ввода танков в ЧССР, думали ли они, что танки после этого отведут? Конечно, нет». Иногда просто важно встать и выразить свою позицию, даже если очевидно, что это сразу не приведет к изменениям.

За все эти годы мы многому научились у Арсения Борисовича. Он как никто другой может коротко и метко описать противоречивость разных процессов в России и в то же время нарисовать целостную картину. Его пронизательные практические наблюдения, без претензий на глобальные выводы и попытки объяснить мир, разворачивают перед внимательным слушателем панораму происходящего. Регулярные разговоры с Арсением помогают сформировать оценку происходящего в России, столь необходимую в правозащитной деятельности.

Жаль, что из-за все усиливающегося давления на российское гражданское общество у нас сейчас почти нет возможности обсуждать перспективы развития прав человека в наших странах. В данный момент совместную повестку дня диктуют политические судебные процессы, репрессии против НКО в России и дискуссии о том, как им противостоять. Тем ценнее для меня те моменты, когда я наблюдал правозащитный темперамент Арсения Борисовича в гуще общественного движения, в дискуссиях о его будущем.

Например, в 2013 г. он был гостем на ежегодном собрании членов немецкой секции Международной Амнистии, где несколько сотен человек разных возрастов и профессий в течение трех дней размышляли и спорили о правах человека. Арсений задавал много вопросов, его живо интересовало, кто те люди, которых он видит перед собой. Было очевидно, что все, что он наблюдал, близко ему. Подобные встречи были и в России. Например, на правозащитном фестивале «Пилорама» на территории мемориального музея «Пермь-36». Здесь, в пространстве, принадлежащем гражданскому обществу, мы могли вести свободный разговор о практиках и смыслах нашей деятельности друг с другом и просто с заинтересованными людьми – посетителями фестиваля.

Острова свободы «Пермь-36» и «Пилорама» отстоять не удалось, их больше не существует.

Но Арсений не был бы Арсением, если бы он ввиду текущего положения вещей опустил руки и ограничился бы жалобами на происходящее. В любой ситуации он твердо и неустанно стремится к тому, чтобы сохранить достигнутое и найти подходы для продолжения работы. Несмотря на серьезность ситуации, он нередко говорит о ней с шуткой и хорошим настроением, придавая этим много сил своим слушателям. Он и его ближайшее окружение знают, каких усилий это стоит ему самому.

Арсений, за все эти годы *ты* стал нашей путеводной звездой. Будь здоров!